княжеского порицания и в то же время говорит о том, что ему недоступно раскаяние, хотя невзгоды уже покрыли его, как Чермное море фараона. Он готов бежать от того, что он создал („от лица художества моего"), и только уверенность в расположении к нему князя заставляет его прибегнуть к неизменной любви последнего.

Во введении речь идет только о самом произведении („художестве") автора, об авторском замысле, об опасении пострадать за то, что уже написано, и в то же время об отсутствии у автора раскаяния в сделанном. Особенно важно то, что в этой явно автобиографической части „Слова" ничего не говорится о „заточении" автора или о каком-то его „преступлении", или о том, что он „впал в немилость" у князя и т. п., т. е. обо всем том, чем в научной литературе обычно отягощается судьба Даниила. Очевидно, все это только догадки и гипотезы.

Несколько ниже, уже в центральной части „Слова", автор далеко не двусмысленно говорит о подлинной причине своего обращения к князю, своей мольбы о милости: „Пусти тучю на землю художества моего (*А*, *XII*)". Здесь слышится все та же тревога о „художестве" своем, о своей судьбе, судьбе человека, который „языком" своим, подобным „трости книжника", может навлечь да уже и навлек на себя и бесчестие („буесть" — impietas, ἀσέβαια, ἀπόνοια, ἐις φληναφον — обвинение в безумии, глупости, пустословии) и различного рода бедствия („нищету", нищевати — бедствовать), а, может быть, и прямую нищету. Это одно из первых в русской литературе выражений тревоги и опасений писателя за свои мысли и убеждения.

Однако значение введения не только в том, что оно является ключом ко всему „Слову". В нем мы видим драгоценное свидетельство вообще о литературной жизни древней Руси. По глубине и конкретности раскрытия в нем отдельных фактов творческой биографии древнерусского писателя его трудно сравнить с каким-либо другим документом этой отдаленной эпохи. Через авторскую самохарактеристику, данную в нем, мы проникаем во внутренний мир писателя, поражающий своей сложностью и высоким уровнем культуры.

* * *

В истории изучения сочинения Даниила нередки случаи, когда при определении его редакций ученые оперируют своими представлениями о плане или композиции „Слова" и „Моления". При этом сторонники старшинства „Слова" находят его план более последовательным и логичным, чем план „Моления". Сторонники же старшинства „Моления" приходят к диаметрально противоположным выводам. Это и понятно, ведь никто пока что еще не дал себе труда определить особенности плана „Слова" и „Моления" путем внимательного сопоставления этих произведений и текстологического изучения их. А между тем ученых встречают здесь такие неожиданности, которые достаточны для того, чтобы предостеречь от слишком поспешных заключений и выводов о последовательности и логичности плана „Слова" или „Моления", и в то же время могут натолкнуть на решение более важных вопросов. В этом отношении определенный интерес представляет начало основной части „Слова" и „Моления".

Надо сказать, что здесь „Слово" и „Моление" резко расходятся между собой в порядке расположения афоризмов. Причина этого не в перераспределении материала составителем первой или второй редакций памятника, а в механической ошибке переписчика протографа списков „Слова". Переписывая последний параграф введения, писец дошел